

ФРАНЦ КАФКА

ФРАНЦ КАФКА

Превращение

МОСКВА
2015

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
К30

Перевод с немецкого

Серия «Pocket book»
Оформление *A. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Егора Лаптарева*

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Кафка, Франц.
К30 Превращение : [рассказы : перевод с немецкого] / Франц Кафка. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 256 с.

ISBN 978-5-699-80024-7 (Pocket book)
ISBN 978-5-699-82335-2 (100 ГК)

Трагическая обреченность столкновения «маленького» человека с парадоксальностью жизни, человека и общества, человека и Бога, кошмарные, фантастические, гротескные ситуации — в новеллах и рассказах Кафки.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© И. Татаринова, перевод.
Наследники, 2015
© С. Апт, перевод. Наследники, 2015
© Ю. Архипов, перевод, 2015
© В. Станевич, перевод.
Наследники, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ISBN 978-5-699-80024-7
ISBN 978-5-699-82335-2

ПРИГОВОР

Было чудесное весеннее воскресное утро. Георг Бенденман, молодой коммерсант, сидел у себя в кабинете на первом этаже невысокого домика на берегу реки, вдоль которой вытянулся целый ряд домиков того же типа, отличающихся один от другого, пожалуй, только окраской и высотой. Он как раз кончил письмо к другу молодости, живущему за границей, потом с нарочитой медлительностью вложил его в конверт и, облокотясь на письменный стол, стал смотреть в окно на реку, мост и начинающие зеленеть холмы на том берегу.

Он думал о том, что этот друг, недовольный тем, как у него шли дела на родине, несколько лет тому назад форменным образом сбежал в Россию. Теперь у него было торговое дело в Петербурге, которое вначале пошло очень хорошо, но за последние годы как будто разладилось, на что в каждый из своих приездов, от раза к разу все более редких, жаловался друг. Так он и трудился на чужбине без большой для себя выгоды: знакомое с детства лицо, нездоровая желтизна которого наводила на мысль о развивающейся болезни, осталось все тем же, несмотря на чужезем-

ную бороду. По его словам, у него не установилось близких отношений с тамошней колонией его земляков, но и в русские семьи он был не очень-то вхож и, таким образом, обрек себя на холостяцкую жизнь.

Что можно написать такому явно зашедшему в тупик человеку? Ему можно посочувствовать, но помочь нельзя. Не посоветовать ли ему вернуться домой, продолжить свое существование здесь, возобновить старые связи — ведь этому никто не мешает, — а в остальном положиться на помощь друзей? Но ведь это же значит сказать ему — и чем мягче это будет сделано, тем болезненнее он это воспримет, — что до сих пор его старания не увенчались успехом, что ему надо отказаться от своей затеи и ехать домой, где на него будут указывать пальцем, как на неудачника, вернувшегося на родину, это значит сказать ему, что его друзья, никуда не уезжавшие и преуспевающие дома, — люди деловые, а он большой ребенок и ему остается одно: во всем следовать их советам. Да притом еще разве можно быть уверенным, что не зря причинишь ему столько мучений? Возможно, что вообще не удастся убедить его вернуться домой — ведь он сам говорил, что уже отвык от здешних условий, — и тогда он вопреки здравому смыслу останется на чужбине, уговоры его только озлобят, и он еще дальше отойдет от прежних друзей. Если же он все-таки последует советам, а потом будет чувствовать себя здесь униженным — разумеется, не по вине людей, а по вине обстоятельств, — если он не сойдется с прежними друзьями, а без них не станет на ноги, если он будет стесняться и стыдиться своего положе-

ния и почувствует, что теперь у него действительно нет больше родины и друзей, не лучше ли тогда для него остаться на чужой стороне, как бы тugo ему там ни жилось? Можно ли в таком случае предполагать, что он здесь поправит свои дела?

По этим соображениям не следует сообщать ему, если вообще продолжать с ним переписку, о себе то, что без всяких опасений напишешь просто знакомому. Друг уже больше трех лет не был на родине и давал этому весьма неубедительное объяснение — в России-де очень неопределенное политическое положение, мелкому коммерсанту нельзя отлучаться даже на самый короткий срок. А между тем сотни тысяч русских спокойно разъезжают по всему свету. А ведь именно за эти три года произошли большие перемены в жизни самого Георга. О кончине матери, случившейся около двух лет тому назад, и о том, что с тех пор он, Георг, и его старый отец ведут сообща хозяйство, друг его, правда, еще успел узнать и выразил в письме свое соболезнование, но весьма сухо, причина чего, вероятно, крылась в том, что на чужбине невозможно себе представить всю горечь такой утраты. С тех пор он, Георг, гораздо энергичнее взялся за свое торговое дело, как, впрочем, и за все остальное. Возможно, что при жизни матери отец не давал ему развернуться, так как в делах признавал только собственный авторитет, возможно, что после смерти матери отец хоть и продолжал работать, но стал менее деятелен, возможно — и даже так оно, по всей вероятности, и было, — значительно более важную роль здесь сыграло счастливое стечние обстоя-

тельств, — так или иначе, но за эти два года фирма Бендерман процвела так, как и ожидать нельзя было, пришлось взять вдвое больше служащих, торговый оборот увеличился в пять раз, можно было не сомневаться и в дальнейшем преуспевании.

Но друг ничего не знал о такой перемене. Раньше — последний раз как будто в том письме, в котором он выражал свое соболезнование, — он всячески уговаривал Георга перебраться в Россию и пространно писал о тех перспективах, которые сулит Петербург именно для его, Георга, рода торговли. Цифры, которые называл друг, были совсем незначительны в сравнении с тем размахом, который приобрело торговое дело Георга. Но Георгу не хотелось писать другу о своих успехах в коммерции, а если бы он это сделал теперь, задним числом, это действительно могло бы произвести странное впечатление.

И поэтому Георг обычно ограничивался тем, что сообщал другу о всяких пустяках, которые приходят в голову, когда в воскресенье сидишь и не спеша вспоминаешь вперемежку все что угодно. Ему хотелось одного — не нарушить того представления, которое за долгий период отсутствия сложилось у его друга о родном городе и которым тот удовлетворился. Вот так оно и получилось, что Георг в трех письмах, разделенных довольно большими промежутками, сообщил другу о помолвке достаточно безразличного им обоим человека с не менее безразличной им девушкой, так что в конце концов даже заинтересовал друга этим событием, хотя это совсем не входило в намерения Георга.

Но Георгу было приятнее писать ему о таких делах, чем сообщать, что месяц тому назад он сам обручился с фройляйн Фридой Бранденфельд — девушкой из состоятельной семьи. Он часто говорил с невестой о своем друге и о той особой позиции, которую занял в переписке с ним.

— Значит, он не будет у нас на свадьбе? — спросила она. — Но ведь я могу претендовать на знакомство со всеми твоими друзьями.

— Я не хочу беспокоить его, — ответил Георг. — Постарайся понять меня: он, конечно, приехал бы, по крайней мере, я так полагаю, но он стеснялся бы и чувствовал бы себя несчастным, возможно, он позавидовал бы мне и уж, конечно, был бы недоволен — и не мог бы побороть свое недовольство — тем, что возвращается один. Один — ты понимаешь, что это значит?

— Но разве он не может узнать о нашей свадьбе стороной?

— Этому я, конечно, помешать не могу, но при том образе жизни, который он ведет, это маловероятно.

— Если твои друзья таковы, то тебе, Георг, вообще не следовало бы жениться.

— Ну тут мы с тобой оба виноваты. Но я не жалуюсь.

И она, прерывисто дыша под его поцелуями, сказала:

— А мне все же обидно.

Он подумал, что и вправду не так уж страшно написать другу обо всем. «Я таков, и пусть берет меня таким, как я есть, — решил он. — Не могу же я

переделать себя в угоду нашей дружбе». И в длинном письме, которое он написал этим воскресным утром, он действительно сообщил ему о своей помолвке в следующих словах: «Самую приятную новость я приберег к концу. Я обручился с фрейлиной Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи, переехавшей в наш город несколько лет спустя после твоего отъезда, так что ты вряд ли ее знаешь. При случае я напишу тебе подробнее о моей невесте, а сегодня достаточно будет сказать, что я очень счастлив и что наши с тобой отношения изменились только в одном — до сих пор у тебя был просто друг, а теперь у тебя будет очень счастливый друг. Кроме того, в моей невесте, которая скоро сама тебе напишет, а пока просит передать сердечный привет, ты найдешь искреннего друга, что для холостяка не такое уж малое приобретение. Я знаю, обстоятельства таковы, что удерживают тебя от приезда к нам, но разве моя свадьба не достаточное основание, чтобы пренебречь всеми препятствиями? Как бы там ни было, считайся только с собой и действуй по своему усмотрению».

Георг долго сидел за письменным столом, глядя в окно и вертя письмо в руке. На поклон знакомого, который проходил мимо по улице, он ответил рассеянной улыбкой.

Наконец он сунул письмо в карман и прошел по короткому коридору в расположенную напротив спальню отца, куда не показывался уже несколько месяцев. Да в этом и не было нужды, потому что они постоянно встречались у себя в магазине и обедали одновременно в ресторане; вечером, правда, каждый

сам заботился о своем ужине, но потом, в тех случаях, когда Георг не проводил время с друзьями или невестой, что теперь случалось довольно часто, они обычно сидели еще с полчасика вместе в общей гостиной, каждый уткнувшись в свою газету. Георг удивился, что у отца в спальне темно даже в такое солнечное утро. Как, значит, затемняет комнату, выходящую в узкий двор, высокая стена напротив. Отец сидел у окна в углу, наполненном всевозможными реликвиями, напоминающими о покойной матери, и читал газету, которую держал перед глазами как-то боком, стараясь приспособиться и помочь своему слабеющему зрению. Со стола не были убраны остатки завтрака, по-видимому, почти не тронутого.

— А, это ты, Георг, — сказал отец и сразу поднялся ему навстречу. Его тяжелый халат распахнулся, полы разевались при ходьбе. «Мой отец все еще батырь», — подумал Георг.

— Здесь же страшно темно, — сказал он.

— Да, это верно, темно, — ответил отец.

— И окно закрыто.

— Мне так больше нравится.

— На дворе теплынь, — заметил Георг, как бы продолжая сказанное раньше, и сел.

Отец взял со стола посуду и поставил ее на ящик.

— Я, собственно, пришел только затем, чтобы сказать тебе, — продолжал Георг, рассеянно следя за движениями отца, — что все же написал сегодня в Петербург о моей помолвке.

Он вытащил было письмо из кармана, но тотчас же опустил его обратно.

— В Петербург? — спросил отец.

— Моему другу, — пояснил Георг и постарался заглянуть отцу в глаза. «В магазине он совсем другой, — подумал Георг. — Как он здесь расселся в кресле и руки на груди скрестил».

— Да. Твоему другу, — сказал отец с подчеркнутым ударением.

— Ты ведь знаешь, отец, я не хотел писать ему о своей женитьбе, заботясь только о нем, ни по какой другой причине. Ты сам знаешь, он трудный человек. Я решил, пусть услышит стороной о моей свадьбе — тут уж я ничего сделать не могу, хотя при его замкнутом образе жизни это маловероятно, — но только не от меня.

— А теперь ты передумал? — спросил отец, положил газету на подоконник, а на газету — очки и прикрыл их ладонью.

— Да, теперь я передумал. Если он мой близкий друг, решил я, то должен быть счастлив моим счастьем. И поэтому я уже не колебался и написал ему. Но раньше, чем бросить письмо в ящик, я хотел сказать об этом тебе.

— Георг, — сказал отец и растянул свой беззубый рот, — послушай! Ты пришел ко мне посоветоваться. Это, разумеется, делает тебе честь. Но это ничто, это хуже чем ничто, если ты не скажешь мне всей правды. Я не хочу касаться сейчас того, что сюда не относится. После смерти нашей дорогой мамочки творятся какие-то нехорошие дела. Возможно, и до них дойдет, и возможно, даже скорее, чем мы думаем. В нашем торговом заведении что-то от меня

ускользает; может быть, от меня ничего и не скрывают — я сейчас не хочу думать, что от меня что-то скрывают, — я уже не тот, что прежде, память ослабела, я уже не могу уследить за всем. Во-первых, это естественный ход вещей, а во-вторых, смерть нашей мамочки повлияла на меня куда сильнее, чем на тебя. Но раз уж мы затронули этот вопрос в связи с твоим письмом, то прошу тебя, Георг, не лги мне. Это же мелочь, это выеденного яйца не стоит, так не лги мне. У тебя действительно есть друг в Петербурге?

Георг в смущении встал.

— Оставим в покое моих друзей. Тысяча друзей не заменит мне отца. Знаешь, что я думаю? Ты не бережешь себя. Ведь у возраста свои права. В нашем деле мне без тебя не обойтись, ты это отлично знаешь, но, если работа вредит твоему здоровью, я завтра же запру магазин, и это уже навсегда. Так не годится. Тебе надо переменить образ жизни. И при этом решительно. Ты сидишь здесь в темноте, а в гостиной яркое солнце. Ты чуть притронулся к завтраку, вместо того чтобы как следует подкрепиться. Ты сидишь при закрытом окне, а воздух был бы тебе так полезен. Нет, отец! Я позову врача, и мы будем следовать его предписаниям. Мы поменяемся спальнями, ты перенесешь в комнату, которая выходит на улицу, а я сюда. Ты не почувствуешь никакой перемены, все твои вещи мы перенесем. Но это еще успеется, а сейчас ложись-ка в постель, тебе необходим покой. Давай я помогу тебе раздеться, вот увидишь: я справлюсь. А может быть, ты уже сейчас хочешь перебраться в ту

комнату? Тогда пока что ложись на мою кровать. Пожалуй, так будет даже разумнее.

Георг подошел вплотную к отцу, который поник седой всклокоченной головой.

— Георг, — позвал отец чуть слышно, не подымая головы.

Георг сейчас же опустился перед ним на колени, он увидел усталое отцовское лицо, увидел, что тот скосил на него глаза с необычно расширенными зрачками.

— У тебя нет друга в Петербурге. Ты всегда был шутником, ты не удержался и подшутил и надо мной. Ну откуда быть у тебя другу в Петербурге! Я этому поверить не могу.

— Ты вспомни, отец, — сказал Георг, поднял отца с кресла и, так как тот стоял перед ним такой беспомощный, снял с него халат. — Вот уже скоро три года, как мой друг приезжал к нам в гости. Я помню, что ты его недолюбливал. Во всяком случае, я два раза, никак не меньше, сказал тебе, что его у нас уже нет, а он сидел у меня в комнате. Такая нелюбовь мне вполне понятна, у моего друга есть свои странности. Но бывало и так, что ты охотно с ним беседовал. Я даже был горд, что ты его слушал, расспрашивал, поддакивал ему. Если ты подумаешь, ты обязательно вспомнишь. Он тогда рассказывал невероятные истории про русскую революцию. Так, раз в Киеве, куда он поехал по делам, он видел священника, который во время волнений вышел на балкон, вырезал себе на ладони большой крест и, подняв окровавленную руку, обратился к толпе. Ты же всем кому угодно рассказывал эту историю.

Межу тем Георгу удалось снова усадить отца и осторожно снять с него трикотажные кальсоны, которые были надеты поверх полотняных, и носки. При виде белья далеко не первой свежести он упрекнул себя за то, что забросил отца. Следить, как часто отец меняет белье, конечно же, тоже было его обязанностью. Они с невестой еще не говорили определенно о том, как в дальнейшем устроят жизнь отца, ибо с молчаливого согласия предполагали оставить его на старой квартире. Но теперь Георг твердо решил взять его с собой в их будущий дом. Ведь если хорошенько подумать, то заботы, которыми он собирался окружить отца впредь, может статься, уже опоздали.

Георг взял отца на руки и понес в постель. Вдруг он заметил, что тот, прижавшись к его груди, играет с его цепочкой от часов, и ему стало страшно. Он не мог сразу уложить отца в постель, так крепко тот уцепился за эту цепочку.

Но очутившись в постели, он как будто опять пришел в себя. Сам укрылся, а потом натянул одеяло до подбородка. И смотрел даже ласково на Георга.

— Ты вспомнил его, ведь правда? — спросил Георг и, желая подбодрить отца, кивнул ему.

— Ты меня хорошо укрыл? — спросил отец, словно ему не было видно, закрыты ли у него ноги.

— Ты доволен, что лег в постель? — сказал Георг и подоткнул одеяло.

— Ты меня хорошо укрыл? — снова спросил отец, придавая, казалось, большое значение ответу.

— Успокойся, я тебя хорошо укрыл.

— Нет! — сразу же крикнул отец. Он отбросил